

Жан Лиермье: «Каждый актер должен пройти русскую школу» | Jean Liermier: "Chaque comédien doit passer par l'école russe"

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 12.10.2011.

Художественный руководитель Театра Каруж Жан Лирмиер
В ожидании приезда в Женеvu прославленной московской труппы Театра-студии Петра Фоменко, мы хотим познакомить вас с главным представителем принимающей стороны – художественным руководителем Театра Каруж (Théâtre de Carouge), актером и режиссером, страстным почитателем русской театральной школы.

|

En attendant l'arrivée à Genève du Théâtre Piotr Fomenko de Moscou, nous vous présentons son hôte en Suisse, le directeur artistique du Théâtre de Carouge et un grand admirateur de l'art dramatique russe, Jean Liermier.

Jean Liermier: "Chaque comédien doit passer par l'école russe"

Если вы встретите Жана Лиермье на улице – в джинсах, кепке и на скутере – то никогда не подумаете, что перед вами серьезный человек, начитанный, тонкий, взявший на себя три года назад управление лучшим женевским театром, совмещающий эту всепоглощающую работу с актерской профессией и воспитанием двух маленьких мальчик... Однако это именно он.

Жан Лиермье родился в 1970 году в Аннемассе, пограничном с Женевой французском городе. Закончил женевскую Высшую школу драматического искусства, первую профессиональную стажировку проходил в театре Арианы Мнушкиной, знаменитого парижского режиссера с русскими корнями. Сыграл в театре 23 роли и сам поставил 11 пьес (о некоторых мы [рассказывали](#)) и три оперы... В эти дни в Женеве его имя значится на афишах в качестве исполнителя роли Тинтина в постановке театра Ам Страм Грам, о которой мы уже [рассказывали](#).

Наше заочное знакомство началось с отрицательных эмоций – не понравилось нам, как в Театре Каруж поставили чеховского «[Платонова](#)». Однако, встретившись с художником лично, мы решили вернуться сюда еще и посмотреть другие постановки. Главное, что произвело на нас впечатление в небольшом кабинете Жана Лиермье, это книжная полка, большую часть которой занимают французские переводы произведений Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова... (Кстати, вся русская театральная серия вышла в издательстве L'Age d'Homme стараниями покойного [Владимира Димитриеви́ча](#).)

Увидев эти книги, стало ясно, что перед нами – наш человек, и разговор принял четкое направление: русский театр и то, как было бы здорово привезти какой-то из российских театров в Женеву. Вернее, не какой-то, а лучший. В итоге, при поддержке Фонда Нева, взявшего на себя все расходы по организации гастролей, жители города Кальвина получают через две с небольшим недели королевский подарок – восемь вечеров с труппой Театра-студии Петра Фоменко.

Наша Газета.ch: Жан, Вы прочитали все эти стоящие на Вашей полке книги, составляющие основу русской театральной школы. Что они дали Вам, французскому актеру и режиссеру?

Жан Лиермье: Без них я был бы совсем другим человеком. Я считаю, что каждый актер должен пройти русскую школу – к счастью, эти книги существуют. В годы моей учебы моей любимой книгой была «Моя жизнь в искусстве» Станиславского, каждую страницу которой я читал и перечитывал. Позже я открыл для себя Мейерхольда, еще одного театрального гения 20 века. Меня привлекает то, что их книги – не догмы, а результаты глубочайшего, тончайшего исследования, которому оба посвятили свои жизни. Они не говорят, что НАДО делать, но дают инструменты для того, чтобы МОЖНО было сделать так или иначе.

Считаете ли Вы себя учеником Станиславского?

Учеником – я бы не сказал, но то, что он оказал на меня огромное влияние,

бесспорно. Я старался впитать в себя все прочитанное и использовать в своей собственной работе сочетание разных школ. Нам трудно сейчас до конца понять пути, по которым шли Станиславский и Мейерхольд, как трудно понять эпоху и политические условия, в которых они жили. Но главное, что их труд не пропал, он стал классикой.

Если не ошибаюсь, Вы даже пытались учить русский язык...

Это правда, русский язык всегда привлекал меня даже независимо от театра. Это прекрасный язык, эмоциональный, певучий и невероятно как-то удобный для игры в театре. Я учил его в лицее, моим педагогом была Люсиль Жонак, супруга известного профессора-слависта Жоржа Нива. К сожалению, учился я недолго, все с тех пор растерял, кроме самой любви к языку. Но еще до учебы в лицее мне довелось играть по-русски: в школе мы ставили «Каштанку», и мне нужно было произнести несколько фраз. Напряжение, возникшее в зале при звуках чужого языка, показало мне его мощь, хоть тогда я это и не осознавал.

Языковые конструкции отражают принципы мышления. Когда во Франции играют Брехта или Шекспира, то отступают от собственного способа мышления, и результаты не всегда получаются удовлетворительными.

С момента Вашего прихода в Театр Каружа здесь ставились «Платонов» по Чехову и «Белые ночи» по Достоевскому. В конце нынешнего сезона Вы предложите публике «Дядю Ваню» в постановке известного французского режиссера Алена Франсона. Чего нам от нее ожидать: верности традициям или столь модных сейчас транспозиций?

Жан Лирмиер перед афишей спектакля "Сокровища Кастафьоре" (© Nasha Gazeta.ch)

Ален Франсон обладает большим опытом постановок русских пьес. Мне нравится то, что он погружается в языковую систему, без «фольклоризма», вычурности. Он фокусирует внимание на целях пьесы и отношениях персонажей. Кроме того, в спектакле заняты прекрасные актеры, так что я уверен, что публика получит удовольствие.

Давайте поговорим немного о роли, которую Вы играете в эти дни - Тинтина, к России не имеющего никакого отношения и мало там известного, в отличие от франкоязычного мира. С пьесами Чехова спектакль «Драгоценности Кастафьоре» роднит разве что единство места...

Совершенно верно! И это единственный комикс Эрже, в котором присутствует это созданное Чеховым измерение театральной действительности. На самом деле, я уверен, что русской публике этот спектакль должен нравиться – ведь тут и ирония (знаменитый репортер, раньше времени вернувшийся с Луны, занимается поиском украденных сорокой драгоценностей), и гротескные персонажи, и четкие линии персонажей.

Трудно было создавать образ Тинтина?

Да, ведь во франкоязычном мире он пользуется огромной популярностью, все его "знают". Но главная сложность была в том, что комикс статичен, а нам нужно было создать на сцене отсутствующее в нем движение, не нарушив специфики Эрже. В книге у Тинтина всего два выражения лица: с поднятыми бровями или с

нахмуренными. Десять лет назад, когда спектакль ставился впервые, я отказался этим довольствоваться. Но с тех пор понял: видимая нейтральность персонажа помогает публике «додумать» его образ. И тогда, и сейчас в связи с этой ролью у меня возникало много вопросов, но аншлаги доказывают, что что-то главное мы уловили...

Обратимся, наконец, к теме, которая занимает нас уже почти год – к предстоящим гастролям Театра-студии Петра Фоменко. Вы видели только один их спектакль, «Война и мир», и тем не менее отнеслись к возможности принять труппу в своем театре с огромным энтузиазмом.

Еще бы! Ведь мы говорим об одном из величайших режиссеров современности, Фоменко – живая легенда, мифический персонаж! Я столько читал о нем, столько слышал, принять его в Театре Каруж – огромное счастье и большая честь. И мы обязаны этим Фонду Нева, без которого проект не был бы реализован. Без ложной скромности скажу, наш театр – лучший в Женеве, и программа сезона очень сильная, но Фоменки стали изюминкой, или, как мы говорим по-французски, «вишенкой на торте». Как Вы знаете, у нас был выбор между несколькими московскими театрами, но для меня было крайне важно, чтобы приезд московского театра в Женеву стал настоящим событием, мне нужен был только беспроигрышный вариант, а значит – Фоменко.

Мы работаем над этим проектом уже почти год. Какие моменты Вам особенно запомнились?

Их несколько. Прежде всего меня поразили ряд совпадений, просто знаков судьбы. Обычно, когда Фоменки приезжают на гастроли, например, в Париж, то играют в огромных, на тысячу мест, залах. А у нас в зале – всего 425, и я боялся, что они не согласятся. Однако они согласились, и именно размеры и технические параметры нашего зала стали серьезными аргументами: ознакомившись с планами Театра Каруж, главный художник Театра-студии Фоменко Владимир Максимов написал нам, что за всю свою гастрольную практику редко встречал театр, который бы так подходил им по техническим параметрам.

Не сразу Вы договорились с московскими коллегами о том, какие спектакли показывать...

Действительно, я хотел привести один спектакль и показывать его шесть вечеров подряд, чтобы как можно больше людей смогло его увидеть. Но когда мы сидели в ресторанчике в Каруже с Владимиром Максимовым и директором театра Андреем Воробьевым, они сказали, что не могут гарантировать, что после 3-4 спектаклей актеры будут играть с тем же подъемом. И это меня убедило. В России один спектакль не идет месяц подряд, как у нас, в этом смысле у нас разные традиции. Но поняв, что их сомнения и неуступчивость связаны исключительно с качеством игры, я сразу перестал настаивать. Так и получилось, что будут показаны два спектакля, «Волки и овцы» и «Семейное счастье».

Еще одним источником Ваших сомнений был выбор между субтитрами и наушниками.

Да, мы долго думали, как лучше поступить и выбрали субтитры – чтобы публика

могла слышать дыхание актеров, улавливать все интонации. Думаю, мы поступили правильно.

В начале этого года, приступая к работе над проектом, Вы впервые побывали в Москве. Соответствовало ли увиденное Вашим ожиданиям?

Летя в Москву, я перебирал в памяти все виденное, прочитанное и предвкушал эту долгожданную первую встречу. Но по дороге из аэропорта в гостиницу я был очень разочарован, увидев Auchan, подумал, глобализация добралась и сюда. Это был шок.

Однако на следующий день мы зашли в церковь, и я увидел на лицах прихожан тот же искренний восторг, который позже вечером увидел на лицах зрителей в театре. И я понял, что нет, не все еще потеряно... А поздним вечером я отправился на Красную площадь, которую раньше видел по телевидению только в связи с военными парадами... Это было непередаваемое ощущение того, что ты находишься в центре мира, как в Париже или Нью-Йорке, ощущение невероятной излучаемой Москвой энергии...

Не боитесь ли Вы, что женевской публике может не понравиться московский театр ?

Абсолютно нет ! Несмотря на то, что спектакли Фоменко идут вне абонементов, билеты очень быстро расходятся. Кроме того, я буду рад возможности принять в нашем театре и русскоязычную женевскую публику – надеюсь, что походы в Театр Каружа после этого войдут у нее в привычку !

Наша Газета. ch - медиа-партнер Театра Каруж в сезоне 2011/2012.

Где Вы, Henry Moor? А идущий человек - вот он! (© TCAG)

[русская театральная школа](#)

[театр Фоменко](#)

[театр Каруж](#)

[Ален Франсон](#)

Статьи по теме

[«Русский театр мне стал родным»](#)

[Théâtre de Carouge ориентируется на Россию](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/12381>